

когда имъ угодно, то самое чувство свободы заставляло бы ихъ оставаться въ школѣ. Ихъ не толкала бы туда насильственная власть; ихъ притягивала бы туда личность учащаго.

Внѣ школы между Толстымъ и его учениками поддерживалась величайшая дружба. Обыкновенно уроки продолжались до половины девятаго, при чемъ послѣдніе часы посвящались пѣнію, чтенію, физическимъ опытамъ и т. под. Опыты доставляли мальчикамъ особенное удовольствіе. Послѣ уроковъ Толстой хаживалъ гулять съ ними по снѣгу, при чемъ они доходили иногда до опушки лѣса, но въ лѣсъ не входили, боясь волковъ. Онъ разсказывалъ имъ разныя исторіи и обсуждалъ съ ними серьезнѣйшіе жизненные вопросы, въ которыхъ эти крестьянскіе мальчики выказывали столько же пониманія, сколько самые ученые и начитанные люди.

«Зачѣмъ рисованіе?» спросилъ разъ одинъ изъ мальчиковъ на такой прогулкѣ. «Зачѣмъ искусство?»—Толстой не нашелся, что отвѣтить.

«А зачѣмъ палка? зачѣмъ липа?» спросилъ другой мальчикъ, Семка, постукивая палкой по липѣ. «Стропила сдѣлать»...

«А лѣтомъ зачѣмъ липа, покуда она не срублена?»

И такимъ путемъ естественно подошли къ рѣшенію вопроса объ отношеніи красоты къ пользѣ, къ пониманію того, что красота дерева—достаточное оправданіе для его существованія.

Одинъ изъ мальчиковъ замѣтилъ, что жалко рубить дерево, потому что оно живое. «Вѣдь это все равно что кровь, когда изъ березы сокъ пьемъ», сказалъ онъ.

И подолгу они гуляли такимъ образомъ, ведя серьезные разговоры, при чемъ одинъ изъ мальчиковъ обыкновенно ласково держалъ Толстого за руку.
